

Сонора

МЕЖДУ ДВУМА ДОЖДЯМИ

Сонора

Между двумя дождями

«Автор»

2026

Сонора

Между двумя дождями / Сонора — «Автор», 2026

Осень в Чикаго пахнет мокрым асфальтом и ложью. Грейс возвращается в город, который год назад едва её не убил. Она пытается убедить себя, что прошлое осталось в прошлом. Но одна встреча меняет всё.

Содержание

Глава 1. Дождь в сентябре	5
Глава 2. "Жабры"	7
Глава 3. Чай с имбирем	9
Глава 4. Склад	11
Глава 5. Брат Лори	12
Глава 6. То, чего не было	14
Глава 7. Папка Мёрфи	15
Глава 8. Ночь перед портом	17
Глава 9. Порт	18

Сонора

Между двумя дождями

Глава 1. Дождь в сентябре

Дождь, осень, я снова стою на балконе своей маленькой съёмной квартиры в небольшом районе Чикаго, закуривая «Мальборо» и возвращаясь на год назад, когда беззаботность так и кипела в моих венах, и я не знала, что произойдёт со мной за этот несчастный год. И подумать не могла, что снова вернусь сюда и заново полюблю свою жизнь в одиночку, но иногда, моментами, особенно осенью, моё «любимое» одиночество одолевает, и я оказываюсь в его власти.

— Ну хватит же тебе там стоять, промокнешь до нитки! — крикнула мне с кухни Ал. — Уже иду, — пробормотала я и своим поникшим телом, не торопясь, пошла в сторону кухни, захватывая этот свежий, влажный сентябрьский воздух.

— Ну, что ты подумала? В каком русле будешь двигаться дальше?

— Я же говорила, чтобы ты никогда меня об этом не спрашивала. И вообще... — пробормотала я что-то неразборчивое, — может, вернусь в отдел, и плевать на всё. — Что? Снова в отдел? Ты же понимаешь, что это плохая идея. Ты брала отпуск не для того, чтобы подумать и снова вернуться туда.

— Да, но меня ждут и в DEA, и в CID. И всё же не могу я подвести агента Кортера.

Я у него в долгу после всей этой истории. — Хочешь, чтобы тебя снова по дороге домой закинули в пикап и увезли на ту ферму с посланниками ада?

— Никакие они и не посланники. Просто зависимые люди, верующие во что-то своё, особенное.

— Называй как хочешь людей, которые хотели тебя придушить за грамм и твоё расчлennённое тело отправить в Мексику.

— Да не так же всё было, Ал. — В тот момент для меня всё было так, и ты меня не переубедишь, несносная девчонка. Я любила Ал. Какой бы странной и резкой она ни была, это был единственный человек в Чикаго, с кем я могла поговорить в любое время. Мы познакомились два года назад: я зашла за вином, а она неслась с горой капкейков на день рождения своего кузена.

Но эти невероятные капкейки миссис Роуз никто не попробовал — они оказались на моём платье, которое я впервые решила надеть вместо джинсов за несколько лет. И со слов: «Ой, ты поймала все клубничные!» — началась наша дружба.

— Эй, о чём задумалась? Хотя расскажешь потом. Мне пора бежать, Лори меня уже ждёт внизу.

— Да, и мне пора собираться. У меня встреча в «Жабрах». — В самих «Жабрах»?

Там же столики забронированы на год вперёд.

— Получается, что это всё неправда.

— Или у тебя встреча с кем-то влиятельным. — Я тебе ничего не скажу, Ал.

Это конфиденциально. Она ушла, хлопнув дверью, но я знала: где-то внутри она уже предвкушала, как расколется меня, словно самый лучший агент на допросе, и я ей всё расскажу. Я приняла душ, уложила волосы.

На фон решила включить U2 — давно их не слушала, с тех самых пор. Слегка подкрасилась. Надела белые джинсы, шёлковую рубашку, каблуки, сверху накинула пальто. Сто лет на них не ходила. «Надеюсь, вино поможет мне ходить после Жабр», — подумала я.

Вышла из дома без десяти семь. На улице было прохладно, день убывал, и уже в такое время горели уличные фонари. Я решила немного пройтись пешком и позже вызвать такси,

чтобы не приходиться на встречу слишком рано. Повернув на узкую улочку между кофейней и книжным, я почувствовала, что из-за спины кто-то наблюдает за мной.

— Да чтоб тебя! — резко развернувшись, вскрикнула я. — Подходи, раз что-то нужно. Или будем в догонялки дальше играть? На свет вышел, знакомый мужчина с перекошенным лицом, глаза которого лихорадочно блестели. — Флегмар? Какого хрена? Ты же сгорел в том доме!

— Увы, моя дорогая. Я — феникс, восставший из пепла, который должен отомстить за него твоей смертью, — возбуждённо и, всхлипывая крикнул он, подворачивая протёртый рукав на локте и обнажая руку с пистолетом.

Вот чёрт. Варианта два: либо кричать, либо бежать. И никто же не додумался взять с собой перцовый баллончик.

— Ты же понимаешь, что я не убивала его, — сказала я. Голос был чужим, слишком спокойным, будто кто-то другой говорил за меня

. — Ты была там. Этого достаточно.

— Флегмар, послушай...

— Я слушал! Всю жизнь слушал! — его голос сорвался на всхлип.

— А теперь ты слушаешь. Три секунды. Помолись, если умеешь.

Я не умела. Поэтому просто смотрела ему в глаза и думала о том, что так и не доела утром тост с авокадо, и что Ал будет ругаться, если я не вернусь к ужину, и что пальто новое — жалко, если испачкается в крови.

Он поднял пистолет. Рука дрожала, но дуло смотрело мне прямо в переносицу, и я вдруг отчётливо поняла: вот оно. Не в фургоне, не на ферме, не в перестрелке с картелем. А здесь — на узкой улочке между кофейней и книжным, за десять минут до встречи, на которую я, наверное, уже не попаду.

Флегмар всхлипнул. Палец побелел на спусковом крючке.

Я зажмурилась — до боли, до белых искр под веками, до ломоты в глазных яблоках.

И тишина.

Только дождь, только ветер с озера. Только запах старого кирпича и чьих-то жареных овощей из приоткрытой форточки на втором этаже.

— Мэм? Мэм, с вами всё в порядке?

Я открыла глаза, улица была пуста.

Ни Флегмара, ни пистолета, ни дрожащего пальца на спусковом крючке. Только я, фонари, дождь и какой-то прохожий с собакой, который смотрел на меня с опаской — наверное, я стояла посреди тротуара с закрытыми глазами слишком долго для нормального человека.

— Да, — сказала я. Голос прозвучал хрипло.

— Да, всё в порядке. Задумалась.

Прохожий кивнул и пошёл дальше, а я осталась стоять.

Где грань между воспоминанием и реальностью? Я прожила эту встречу так ярко, так телесно, что до сих пор чувствовала запах пороха — хотя выстрела не было.

Я видела лицо Флегмара — но он сгорел в том доме год назад, я сама читала отчёт. Или не читала? Или мне сказали, а я поверила, потому что так было удобнее? Потому что мёртвые не возвращаются, и на этом можно поставить точку? Но он стоял передо мной минуту назад. Или не стоял. Или это просто память разыгралась — память, которая стала слишком яркой за этот год одиночества и недосыпа.

Я потрясла головой и пошла дальше. Каблуки стучали по мокрому асфальту. На часах было без пяти семь. Я всё ещё успевала в «Жабры».

Глава 2. "Жабры"

В «Жабры» я вошла ровно в семь. Администратор — молодой парень с идеальным пробором и снисходительной улыбкой — окинул взглядом моё пальто, с которого капала вода, и хотел было что-то сказать. Но передумал. То ли выражение моего лица его остановило, то ли фамилия в списке бронирований.

— Вас ожидают, — сказал он. — Дальний столик, у окна.

Я прошла через зал. Здесь было тепло и пахло дорогим деревом, свечным воском и чем-то ещё — кажется, трюфельным маслом. За соседними столиками сидели люди, которые никогда не просыпались в четыре утра от собственного крика. Они смеялись, чокались бокалами, обсуждали какие-то сделки, какие-то ремонты, какие-то отпуска на Карибах. Их мир был мне чужим.

Он ждал за дальним столиком. Тот самый человек. Тот, кто учил меня заполнять рапорты, когда я путалась в кодах. Тот, кто приносил кофе в дежурку и никогда не спрашивал, почему у меня красные глаза после выходных. Тот, кто позвонил мне три дня назад и сказал: «Нужно встретиться. Это про Джейми».

Я села. Он поднял глаза и сразу всё понял.

— Что случилось? — спросил он. — Ты бледная.

— Ничего. Просто задумалась по дороге.

— О чём?

— О людях, которые должны были умереть, но не умерли.

Он прищурился, но не стал допытываться. Вместо этого налил мне вина — красного, густого, почти чёрного в полумраке ресторана. Я сделала глоток. Вино было тёплым и горьковатым, как раз таким, какое мне сейчас было нужно.

— Рассказывай, — сказала я. — Зачем ты меня позвал?

Он откинулся на спинку стула. Помолчал. Покрутил в пальцах ножку бокала. И только потом заговорил — тихо, почти шёпотом, хотя музыка играла достаточно громко, чтобы заглушить любой разговор за соседними столиками.

— Джейми не просто так полез в тот фургон, Грейс. Он знал, что внутри. Знал — и всё равно полез.

Я поставила бокал. Вино вдруг показалось мне слишком кислым.

— Что значит «знал»?

— То и значит. Ему сказали, что там семья с детьми. Что они заблокированы и нужна эвакуация. Он поехал один, без подкрепления, потому что считал — речь идёт о минутах. А внутри ждали трое с автоматами.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я был тем, кто передал ему наводку, — сказал он. Голос был ровным, почти скучным, будто он говорил о квартальном отчёте. — Мне позвонили. Я поверил. И отдал приказ.

Внутри у меня что-то оборвалось. Тоненько, как нитка на старом свитере.

— Ты, — сказала я. — Это был ты.

— Да.

— Ты убил его.

— Да.

За соседним столиком женщина запрокинула голову и засмеялась — красиво, переливчато, как смеются только очень счастливые или очень пьяные люди.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила я.

— Потому что я хочу найти того, кто позвонил мне. Того, кто дал ложную наводку. И ты — единственная, кто может мне помочь.

— Помочь? — я почти рассмеялась. — Ты год скрывал от меня правду. Ты дал мне верить, что Джейми просто не повезло. Что это была случайность. И теперь ты просишь о помощи?

— Я не прошу. Я предлагаю сделку.

Он полез во внутренний карман пиджака и достал сложенный вчетверо лист бумаги. Толкнул через стол.

— Здесь адрес склада. И имя человека, который, возможно, знает, кто стоит за всем этим. Сходи туда. Посмотри. А потом решай — поможешь ты мне или нет.

— Почему ты сам туда не сходишь?

— Потому что за мной следят. А за тобой — пока нет. Ты только вернулась, ты никому не интересна.

Я взяла бумагу, не разворачивая. Она была тёплая от его рук.

— Скажи мне одну вещь, — сказала я.

— Если ты знал, что наводка ложная... почему ты не остановил его? Почему не перезвонил, не отменил приказ?

Он опустил глаза. И впервые за весь вечер я увидела в его лице что-то человеческое.

— Потому что я понял это слишком поздно, — сказал он. — Когда Джейми уже был в фургоне. Я звонил ему. Он не взял трубку.

— А тот, кто позвонил тебе? Ты пробовал его найти?

— Пробовал. Номер был одноразовый. Голос изменён. И когда я начал копать — мне начали угрожать. Сначала намёками. Потом напрямую.

— Почему ты не пошёл к начальству?

— Потому что я не знаю, кому из начальства можно верить.

Я допила вино. За окном дождь опять усилился — капли барабанили по стеклу с такой силой, будто хотели разбить его.

— Ладно, — сказала я. — Я схожу на этот склад. Но не ради тебя. Ради Джейми.

— Я и не ждал другого.

Я встала, накинула пальто и пошла к выходу. У двери обернулась.

— Если ты соврал мне хоть в чём-то — я вернусь. И это будет не разговор.

Он кивнул. Я вышла под дождь.

Глава 3. Чай с имбирем

Ал, конечно, уже ждала меня на кухне, хотя был почти час ночи. Когда я зашла, она сидела с ногами на подоконнике, курила в приоткрытое окно и делала вид, что ей совсем не интересно, как прошла встреча.

— Ну? — спросила она, даже не оборачиваясь.

— Ты была права, — сказала я, снимая мокрое пальто и вешая его на спинку стула. — Это был кое-кто влиятельный.

— И?..

— И он хочет, чтобы я вернулась.

Ал медленно развернулась, выдохнула дым в потолок и посмотрела на меня тем самым взглядом, от которого обычно раскалываются даже самые молчаливые свидетели.

— Грейс, — сказала она тихо, — посмотри на меня.

Я посмотрела. И, кажется, впервые за весь вечер почувствовала, что могу не врать. Но я всё равно не рассказала всего.

Не вдавалась в подробности — чтобы Ал сильно не переживала и не знала ничего лишнего. Потому что может сболтнуть кому-то. Она хорошая. Лучшая, наверное, из всех, кого я встречала в этом городе. Но у неё язык без костей, когда она волнуется. А волнуется она всегда, когда дело касается меня.

— Мы просто поговорили. Он хочет, чтобы я вернулась в отдел. Говорит, что там бардак и без меня не справляются.

— И всё? — Ал прищурилась, и её чайная ложка зависла в воздухе. — Вы сидели в «Жабрах» два часа, чтобы он сказал «возвращайся, Грейс, без тебя бардак»?

— Ну, он ещё извинился. За то, что случилось с Джейми.

Это было почти правдой. Почти.

— Извинился, — повторила Ал и опустила ложку в кружку. Размешала сахар — слишком тщательно, слишком долго. — И ты ему поверила?

— Я не знаю. Но он был... искренним. Кажется.

— «Кажется», — фыркнула Ал. — Отличное основание, чтобы снова сунуть голову в петлю. Просто прекрасное.

Она помолчала, отпила чай и вдруг спросила совсем другим голосом — тихим и каким-то беззащитным, как будто это не она только что грозила взять сковородку:

— Грейс, а ты уверена, что хочешь возвращаться? Не в отдел — вообще. Во всё это. Ты же только начала... ну, знаешь. Спать по ночам. Есть три раза в день. Ты перестала вздрагивать от телефонных звонков. Я думала, мы почти справились.

Я посмотрела в кружку. Чай был золотисто-коричневым, и в нём плавала маленькая крупинка имбиря.

— Может, и справилась, — сказала я. — Но если я не вернусь, кто-то другой окажется в том фургоне. Или в том переулке. А я так больше не могу — сидеть и ждать, пока это случится с кем-то ещё.

Ал вздохнула — длинно, с присвистом, как всегда делала, когда понимала, что спорить бесполезно.

— Ладно. Тогда я иду спать. Завтра у Лори день рождения, и мне нужно быть в форме. А ты... ты просто будь осторожна, хорошо? Я серьёзно, Грейс. Я не хочу опознавать тебя в морге. У меня от одного вида мёртвых голубей истерика, что уж говорить о людях.

— Я буду осторожна. Иди уже.

Она задержалась в дверях, оглянулась — и на секунду стала похожа на ту самую девчонку, которая два года назад неслась с горой капкейков и врезалась в меня у винного. Такая же взъерошенная, такая же родная.

— Знаешь, что самое обидное? — сказала она. — Что из всех людей в Чикаго я выбрала в подруги именно ту, которая считает себя обязанной спасти мир.

— Это не мир. Это просто пара человек.

— Вот именно. Пара человек. И одна из них — ты. Не забудь об этом, ладно?

Она вышла. Дверь на этот раз закрылась мягко, почти бесшумно.

На секунду я зажмурила глаза — до боли, до белых искр под веками. И на секунду оказалась снова между домами. Та узкая улочка. Стылый воздух. И Флегмар напротив — с перекошенным лицом, с блестящими глазами, с пистолетом, который он держал неумело, как держат что-то украденное. Его палец на спусковом крючке дрожал, и я запомнила эту дрожь — потому что подумала тогда: вот так выглядит человек, который тоже не хочет этого делать, но уже перешёл черту, за которой обратно не пятятся.

Я тогда не закричала. Не побежала. Просто стояла и смотрела, как он подворачивает рукав — аккуратно, почти бережно, — обнажая руку с оружием. Словно боялся испортить ткань. Словно это имело значение.

— Ты же понимаешь, что я не убивала его, — сказала я тогда. Голос был чужим, слишком спокойным, будто кто-то другой говорил за меня.

— Ты была там. Этого достаточно.

— Флегмар, послушай...

А потом раздался выстрел.

Только не из его пистолета.

Флегмар дёрнулся, выронил оружие, схватился за плечо и как-то по-детски осел на асфальт. Из-за моей спины вышел агент Кортер — я даже не слышала, как он подошёл. В правой руке он держал табельный, а левой уже набирал скорую. Он что-то говорил мне, кажется, спрашивал, в порядке ли я, но я не слышала — только смотрела, как Флегмар лежит на земле и тихо, почти беззвучно плачет, прижимая ладонь к ране.

— Я всего лишь хотел, чтобы она послушала, — повторял он снова и снова, пока его загружали в машину. — Всего лишь, чтобы послушала. Они никогда не слушают.

Я открыла глаза. Кухня. Тишина. Остывший чай в кружке. Ал уже ушла, и только лёгкий запах её сигарет ещё держался в воздухе.

Флегмар. В моих воспоминаниях он был реален — слишком реален для человека, который сгорел заживо год назад. Я видела его лицо, слышала его голос, чувствовала запах его немытого тела. Но Кортер выстрелил. Кортер спас меня. Так было на самом деле? Или я придумала это спасение, потому что мой мозг отказывался принимать другую реальность — ту, в которой Флегмар нажал на курок и никого не оказалось рядом?

Я не знала. И это пугало больше всего.

Телефон на тумбочке завибрировал. Сообщение. Без подписи, с незнакомого номера:

«Склад. Завтра в восемь вечера. Приходи одна».

Я перечитала трижды. Потом удалила сообщение и пошла в душ. Вода была горячей, почти обжигающей — такой, чтобы смыть этот вечер, эту встречу, этот дождь, который, кажется, пробрался мне под кожу.

Глава 4. Склад

На следующий вечер я поехала по адресу из бумажки.

Старый склад в промышленном районе, за ржавыми воротами, мимо которых нормальные люди не ходят даже днём. Я оставила машину за квартал и пошла пешком, чувствуя, как подошва ботинок проваливается в густую грязь.

Внутри — темнота, пыль, ржавые бочки. Где-то капала вода, и звук этот разносился эхом по пустому залу. И стул. Один посреди огромного пустого пространства. На стуле — конверт.

Я вскрыла его. Внутри — фотография Джейми, сделанная за день до его смерти. Он улыбался. Он вообще часто улыбался — даже когда не было повода. На обороте — надпись от руки, торопливая, но узнаваемым почерком:

«Он знал, что идёт туда умирать. Узнай — почему».

Я сунула фотографию в карман и быстро вышла. В машине включила печку на полную, хотя замёрзла не от холода.

Джейми знал. Он знал, что идёт в фургон на смерть, — и всё равно пошёл. Почему? Что такого было в том фургоне, кроме трёх автоматчиков? Кого он пытался спасти? И откуда тот, кто оставил конверт, знает об этом?

Я завела мотор и поехала домой. Ответов пока не было. Но был список из пяти имён. И я знала, с кого начну завтра.

Глава 5. Брат Лори

Утро началось с того, что Ал ворвалась в мою квартиру без стука, с двумя стаканами кофе и решимостью, которую я обычно видела у агентов перед штурмом.

— Двоюродный брат Лори — Доминик, — сказала она, ставя кофе на стол и даже не здороваясь.

— Работает в порту двенадцать лет. Знает всех — от грузчиков до начальника терминала. Лори ему позвонил, сказал, что у его подруги «деликатный вопрос». Доминик согласился встретиться.

— И что ты ему сказала?

— Правду. Почти. — Ал уселась на подоконник и закурила. — Что моя подруга — агент, что она расследует что-то, связанное с портом, и что ей нужна информация без официального запроса. Доминик — парень простой, но не дурак. Он спросил: «Это опасно?». Я сказала: «Возможно». Он помолчал, а потом сказал: «Пусть приезжает».

Я отпила кофе. Он был именно таким, как я любила — горьким и обжигающим, из той кофейни на углу, где бариста уже знал мой заказ наизусть.

— Когда?

— Сегодня в полдень. У него обеденный перерыв. Встретитесь в закусочной «У Сэла», это в пяти минутах от порта.

— Ты поедешь со мной?

— Нет, — Ал покачала головой. — У меня сегодня большой заказ. Миссис Роуз меня убьёт, если я сорву сроки. Но я буду на связи. И Грейс...

— Что?

— Доминик — хороший парень, но он нервный. Не дави на него слишком сильно. Он не из ваших, он просто работает в порту и хочет жить спокойно.

— Я не давяю на людей, Ал.

— Давишь. Ты просто не замечаешь.

Она ушла, оставив после себя запах сигарет и какую-то странную теплоту. Ал была права — я действительно давила на людей. Это было профессиональной привычкой. Но сейчас мне нужен был не допрос, а разговор. Просто разговор.

Закусочная «У Сэла» оказалась именно тем местом, которое представляешь, когда слышишь слово «порт»: облупившаяся вывеска, пластиковые стулья, запах жареного лука и старого пива. Посетителей было немного — двое грузчиков в спецовках, пожилая пара, которая явно зашла сюда по ошибке, и мужчина лет сорока за дальним столиком. Он нервно крутил в руках бумажную салфетку.

— Доминик? — спросила я, подходя.

Он вскочил — слишком резко, чуть не опрокинув стул.

— Да. А вы, значит, подруга Ал. Она сказала, вас зовут Грейс.

— Садитесь, — сказала я и села сама. — Спасибо, что согласились встретиться.

Доминик сел, но расслабляться явно не собирался. Он был высоким, худощавым, с жилистыми руками человека, привыкшего к физической работе, и бегающими глазами человека, который привык оглядываться.

— Ал сказала, что вам нужна информация о порте, — сказал он, понижая голос. — Что именно вас интересует?

— Меня интересует терминал семь.

Его лицо изменилось — буквально на секунду, но я заметила. Тень. Страх. Он быстро заморгал.

— Терминал семь? Его почти не используют. Он старый, там нет нормальной логистики...

— Доминик, — перебила я, — я не из налоговой и не из правительства. Я федеральный агент. И мне нужно знать, что происходит на терминале семь. Не официально. То, о чём не напишут в отчетах уж точно.

Он долго молчал. Официантка принесла меню, но я отодвинула его, не глядя. Доминик снова начал крутить салфетку.

— Послушайте, — сказал он наконец, — у меня семья. Жена, двое детей. Я не могу позволить себе проблемы.

— Я понимаю. И я не прошу вас делать что-то опасное. Просто расскажите, что знаете.

Он глубоко вздохнул. Оглянулся через плечо. Наклонился ближе.

— Терминал семь действительно почти не используют. Но раз в месяц, иногда чаще, туда приходит груз. Всегда ночью, всегда без официальной регистрации. Контейнеры. Я не знаю, что внутри, но пару раз видел людей, которые их сопровождают. Это не обычные портовые рабочие, понимаете? У них оружие. И они не разговаривают.

— Когда был последний раз?

— Неделю назад. И ещё один груз ожидается через два дня. Я случайно слышал разговор в диспетчерской — кому-то звонили и сказали: «Послезавтра, терминал семь, обычный протокол».

Через два дня. Сердце застучало быстрее.

— Кто звонил?

— Не знаю. Я не видел, я только слышал голос. Но это был кто-то из начальства — потому что диспетчер после разговора был белый как мел и сразу начал переставлять смены.

— Вы можете узнать, кто именно?

— Я попробую, — сказал Доминик неуверенно. — Но это всё, чем я могу помочь. Больше не просите.

— Этого достаточно, — сказала я. — Если что-то узнаете — позвоните Ал. И Доминик...

— Да?

— Спасибо. Вы не обязаны были помогать.

— Ал сказала, что вы хороший человек, — он впервые за весь разговор улыбнулся.

— Я Ал верю. Она однажды спасла моего сына — когда тот подавился конфетой на дне рождения, она перевернула его и встряса эту конфету за три секунды. Я ей должен.

Я вышла из закуской. В голове крутилось: «Через два дня. Терминал семь. Обычный протокол». У меня было сорок восемь часов, чтобы понять, что везут в этих контейнерах и почему это связано с Джейми.

Глава 6. То, чего не было

Вечером я стояла на балконе. Дождь кончился, но воздух оставался влажным и тяжёлым, как мокрое одеяло. Город гудел внизу — приглушённо, будто сквозь вату.

Я думала о Флегмаре.

Точнее — о том, чего не было. О том моменте в переулке, который закончился ничем. Я видела его лицо так ясно, как будто он стоял передо мной сейчас. Я слышала его голос. Я чувствовала запах — смесь пота, дешёвого алкоголя и отчаяния. Но выстрела не было. Кортера не было. Ничего не было — только мой страх, который дорисовал остальное.

Или нет?

Я потянулась за телефоном и набрала номер, который не набирала уже год.

— Алло? — голос в трубке был сонным.

— Кортер, это Грейс. Не спишь?

— Теперь уже нет, — проворчал он. — Что случилось?

— Скажи мне одну вещь. В тот вечер, когда я шла в «Жабру»... ты был где-то рядом?

Пауза. Долгая. Слишком долгая для простого «нет».

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что мне показалось, что я видела Флегмара. В переулке. С пистолетом. И что ты его застрелил.

Тишина. Я слышала, как Кортер дышит — тяжело, с присвистом.

— Флегмар мёртв, Грейс. Он сгорел в том доме. Ты читала отчёт.

— Я читала отчёт. Я не спрашиваю, что в отчёте. Я спрашиваю — был ты в том переулке или нет?

— Нет, — сказал он наконец. — Меня там не было.

— Тогда откуда у меня эта картинка в голове? Такая яркая, будто это было на самом деле?

— Не знаю, — сказал Кортер устало. — Может, стресс. Может, подсознание дорисовало.

Ты год жила с чувством вины за Джейми, за ферму, за всё. Мозг иногда защищает нас странными способами.

— Или кто-то заставил меня это увидеть.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока не знаю. Но я узнаю.

Я сбросила звонок и закурила. Дым смешивался с влажным сентябрьским воздухом и уходил вверх, к серому небу. Флегмар был мёртв. Кортер не был в переулке. Но я видела их обоих так ясно, как видела сейчас огни города.

Что, если кто-то играет с моей головой? Что, если кто-то хочет, чтобы я сомневалась в собственных воспоминаниях?

Или что, если я просто схожу с ума — медленно, незаметно, как сходит с ума человек, который слишком долго носил в себе слишком много?

Я докурила и пошла в комнату. На столе всё ещё лежала фотография Джейми. Он улыбался.

«Узнай — почему».

Глава 7. Папка Мёрфи

На следующее утро я поехала в DEA. Не официально — у меня всё ещё был пропуск, но не было допуска к активным делам. Но мне нужен был доступ к архиву, а ключ к архиву был только у одного человека.

Мёрфи сидела в своём кабинете, как всегда — с чашкой чая и кипой бумаг. Когда я вошла, она подняла голову и посмотрела на меня поверх очков.

— Грейс. Я думала, ты в отпуске.

— Я вернулась.

— Вижу. — Она отодвинула бумаги. — Зачем ты здесь?

— Мне нужен доступ к старым делам. Тем, что закрыли после гибели Джейми.

Мёрфи сняла очки и потёрла переносицу. Ей было за шестьдесят, но глаза оставались острыми — такими, которые замечают всё.

— Эти дела засекречены. Даже я не могу выдать их без разрешения начальства.

— Но вы можете посмотреть их сами. И рассказать мне, что там.

— И зачем мне это делать?

— Потому что Джейми был вашим учеником, — сказала я. — Вы учили его так же, как когда-то учили меня. И вы знаете, что его смерть — не случайность.

Мёрфи долго смотрела на меня. Потом встала, закрыла дверь кабинета и вернулась за стол.

— Сядь, — сказала она.

Я села.

— Есть вещи, Грейс, о которых я молчала целый год. Не потому что боялась — потому что не знала, кому можно доверять. Но ты... — она помолчала. — Ты всегда была той, кто идёт до конца. Даже когда это опасно. Даже когда это глупо.

— Спасибо, — сказала я. — Наверное.

— Это не комплимент. Это диагноз.

Она открыла ящик стола и достала тонкую папку.

— Здесь не все документы. Только те, что я успела скопировать до того, как дело закрыли. Того, что в этой папке, достаточно, чтобы понять: Джейми знал, на что шёл.

Я взяла папку. Руки дрожали — едва заметно, но Мёрфи, конечно, заметила.

— Не открывай здесь, — сказала она. — Возьми домой. Прочитай. И потом реши, что делать дальше.

— Почему вы помогаете мне?

— Потому что я старая, — она усмехнулась. — А старые ди имеют право на один глупый поступок перед пенсией. Иди.

Я вышла из кабинета, прижимая папку к груди. В коридоре мне встретился Патель — кивнул, но ничего не сказал. Риверы не было видно. Холден где-то наверху проводил совещание.

Я прошла через турникет и вышла на улицу. Дождь снова начинался — мелкий, противный, сентябрьский.

Дома меня ждала папка Мёрфи. И ещё — Ал, которая, кажется, решила, что моя квартира — это её второй дом.

— Я принесла еды, — сказала она с порога. — И Лори передаёт, что Доминик что-то узнал. Но сначала — что в папке?

Я села за стол.

В папке было немного — всего пять листов. Но уже на первом я поняла, почему Мёрфи копировала их тайком и почему засекретили всё дело.

Первый лист — рапорт о гибели Джейми. Сухие строчки: дата, время, место, состав группы — он один, без подкрепления. Причина выезда: «сообщение о блокированных гражданских в районе складов». Источник сообщения: «анонимный звонок». Ни имени, ни номера, ни записи разговора. Просто «анонимный звонок».

Я отложила первый лист.

Второй — выписка из протокола вскрытия. Джейми погиб от трёх огнестрельных ранений: два в грудь, одно в голову. Контрольный. Это было странно. Если он вёл перестрелку, если он успел вытащить ствол, если он сопротивлялся — почему тогда контрольный? Люди, которые убивают в перестрелке, не тратят пулю на контроль. Контрольный — это казнь. Это когда ты точно знаешь, что человек перед тобой и что он должен умереть.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Третий лист — фотография с места. Чёрно-белая, размытая, но достаточно чёткая, чтобы разглядеть: фургон сгорел, но не полностью. Передняя часть выгорела, задняя осталась почти нетронутой. И там, у задних дверей, — стреляные гильзы. Много. Больше, чем могло быть, если бы стреляли трое. По крайней мере, две разные модели оружия — это было видно по форме гильз, даже на плохой фотографии.

Значит, стреляли не только в Джейми. Стреляли и внутри группы. Кто-то убил своих.

Четвёртый лист — список изъятого с места. Оружие: три автомата, два пистолета. Но в отчёте о вскрытии указано, что Джейми сделал один выстрел — не больше. Один выстрел из табельного. А в списке изъятого его пистолет вообще не упоминается.

Пятый лист — самый короткий. Всего одна строка, написанная от руки, почерком, который я не узнала: «Спроси у Грейс, что она видела на ферме».

Я отложила папку. Ал смотрела на меня, не говоря ни слова.

— Что там? — спросила она наконец.

— Там написано, что Джейми убили свои, — сказала я. — И что кто-то очень хочет, чтобы я вспомнила, что было на ферме.

— А ты помнишь, что было на ферме?

Я задумалась. Ферма. Год назад. Люди в странных одеждах, которые говорили о спасении и жертве. Дым, запах сена и машинного масла. Комната с матрасом на полу. И... провал. Дальше — провал. Я помнила, как меня вели к машине. Помнила, как Кортер вытаскивал меня оттуда. Но что было между — не помнила. Как будто кто-то вырезал кусок плёнки и склеил оставшееся.

— Нет, — сказала я. — Не помню.

— Может, и хорошо, — сказала Ал. — Может, там было такое, что лучше не помнить.

— Или там было такое, что мне обязательно нужно вспомнить. Ал помолчала. Потом пододвинула ко мне тарелку с едой.

— Ешь, — сказала она. — Ты бледная как смерть. И потом — Доминик звонил. Он сказал, что груз на терминал семь придёт не через два дня, а завтра ночью. Что-то поменялось. Он не знает что, но смены переставили.

Завтра ночью. У меня оставалось меньше суток.

Глава 8. Ночь перед портом

Я не спала. Лежала на диване, смотрела в потолок и слушала, как за окном шумит дождь. В голове крутились обрывки — гильзы, контрольный выстрел, строка про ферму. И Флегмар. Флегмар, который сгорел, но приходил ко мне в переулке. Флегмар, который сказал: «Я — феникс, восставший из пепла».

Феникс. Человек, который восстаёт из мёртвых. Или человек, который притворяется мёртвым, чтобы вернуться и отомстить.

Я села. Взяла телефон. Набрала номер, который знала наизусть, хотя обещала себе никогда больше не звонить.

— Алло? — голос был хриплым, но не сонным. Он не спал тоже.

— Это Грейс. Мне нужна твоя помощь.

Пауза.

— Ты уверена? После всего, что было?

— Нет. Но у меня нет выбора. Завтра ночью в порту, терминал семь, будет груз. Я не знаю, что там, но это связано с Джейми. Мне нужен человек, который прикроет меня снаружи. Один.

— Я не работаю в поле уже год.

— Знаю. Поэтому и прошу.

Ещё одна пауза. Я слышала, как он дышит — тяжело, с присвистом, как человек, который носит в себе слишком много.

— Хорошо, — сказал он. — Где и когда?

— Завтра, в десять вечера, у старого пирса. Не светись. И...

— Что?

— Если со мной что-то случится — скажи Ал. Она живёт на Миллер-стрит, дом семь. У неё муж Лори. Просто скажи ей, что я не вернусь. Пусть не ждёт.

— Грейс...

Я сбросила. Положила телефон на стол. И только тогда заметила, что руки трясутся — мелко, противно, как у человека, который очень долго держался и наконец позволил себе расслабиться.

Завтра всё решится. Или не решится. Но я устала ждать.

Глава 9. Порт

Терминал семь находился в самой дальней части порта, за старыми складами, которые, судя по виду, не ремонтировали с восьмидесятых. Я приехала за час до назначенного времени, оставила машину в переулке и пошла пешком вдоль воды. Пахло соляжкой, рыбой и чем-то гнилым. Ветер с озера пробирал до костей.

Кортер уже ждал у пирса. Он стоял в тени, почти неразличимый в темноте, и я поняла, что он здесь, только когда он шагнул навстречу.

— Ты рано, — сказал он.

— Ты тоже.

— Я всегда прихожу рано. Привычка.

Мы помолчали. Вода билась о сваи, где-то вдалеке гудел корабль.

— Что мы ищем? — спросил Кортер.

— Контейнер. Груз. Людей, которые его сопровождают. Всё, что сможем увидеть.

— И что потом?

— Потом будет видно.

Он кивнул. Мы двинулись вдоль пирса, держась в тени складов. Терминал семь был огорожен сеткой, но ворота оказались приоткрыты — кто-то явно ждал гостей. Мы проскользнули внутрь.

Терминал представлял собой большую площадку с несколькими контейнерами и одиноким краном. Света почти не было — только пара фонарей на столбах, далёкие огни города на горизонте. И тишина. Слишком тихо для порта, который работает круглосуточно.

— Здесь никого, — прошептал Кортер.

— Пока никого. Они придут.

Мы спрятались за штабелем контейнеров и стали ждать.

Ждали час. Потом второй. Я начала замерзать — пальто не спасало от ветра с воды. Кортер молчал, но я чувствовала, что он тоже напряжён.

А потом мы услышали звук двигателя. Грузовик. Он въехал на территорию терминала, погасил фары и остановился у дальнего контейнера. Из кабины вышли двое — крупные, в тёмной одежде. Они открыли задний борт грузовика и начали выгружать ящики. Длинные, узкие ящики, которые они аккуратно ставили на землю.

— Оружие, — прошептал Кортер. — Ящики для винтовок.

Я кивнула. Но что-то было не так. Слишком мало людей для такого груза. Слишком тихо. Слишком...

А потом я увидела третьего. Он вышел из тени контейнера — высокий, в длинном плаще, с сигаретой в руке. И когда он повернулся, свет от фонаря упал на его лицо.

Я узнала его.

Это был Холден. Заместитель начальника отдела. Человек, который вёл совещания, который пожимал мне руку на корпоративах, который однажды сказал, что Джейми был «ценным сотрудником, и его смерть — огромная потеря для всего отдела».

Он стоял здесь, в порту, в час ночи, и смотрел, как выгружают оружие.

— Грейс, — прошептал Кортер. — Мы должны уходить. Сейчас.

— Нет. Я хочу увидеть, с кем он разговаривает.

Холден достал телефон. Набрал номер. И заговорил — тихо, но ветер донёс лишь обрывки.

— ...груз на месте. Забирайте завтра. И ещё — та девчонка, Грейс, она вернулась. Слишком много вопросов. Разберитесь.

Я замерла.

Разберитесь.

Кортер схватил меня за руку.

— Уходим. Немедленно.

Мы двинулись назад, к воротам. Но не успели. Один из грузчиков заметил движение — крикнул что-то, и Холден резко обернулся. Наши глаза встретились на секунду — я увидела его лицо, искажённое злобой и страхом. Он узнал меня.

— Держи её! — крикнул он.

Мы побежали.